

УДК 82

ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СЕРБОВ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© В.В.Мароши

В статье анализируются несколько наиболее типичных художественных произведений новейшей русской литературы, посвященных сербской теме. Главное внимание уделено особенностям художественного изображения сербской религиозной идентичности в условиях военного конфликта и ее мифопоэтической основе.

Ключевые слова: конфликт, война, мифологический нарратив, современная русская литература, национальная / конфессиональная идентичность.

Сербы, сербская культура, сербское православие с начала 1990-х гг. стали одним из постоянных раздражителей современного глобального мира. «Хозяевам дискурса» мешает «сербский миф» во всей его целостности. В интеллектуальной, а не пропагандистской оболочке западные претензии к сербам могут быть суммированы следующим образом: «Этот народ ограничен циклической, круговой, внеисторической, замкнутой концепцией времени, принципиально отличающейся от западной, линейной, реалистичной и разомкнутой. Именно поэтому у них невообразимое количество годовщин, юбилеев и памятных дней, они скованы ритуализированными формами поведения, являющимися для них единственно приемлемой связью с действительностью. В сущности, этим ритуализмом они вписывают свой исторический горизонт в вечно обновляемый круг. Все еще веря, что их земля там, где покоится прах их предков и где разбросаны их исторические памятники, они продолжают сражаться в давно проигранных битвах, предпочитая небесную славу последовательному соблюдению прав человека и процветанию страны. Более того, они исповедуют обсессивную приверженность таким идеям, как индивидуальная жертва, коллективное имущество, абсолютная истина и Господня справедливость, которые в цивилизованном мире давно релятивизированы и развенчаны. Не ощущая глобальных потоков, эти создания обречены на единственный доступный им способ существования – исторический мистицизм, иррациональность, коллективизм и насилие» [1: 62].

Судьба сербов для России в конце XX века – опыт героического сопротивления небольшого народа глобальному катку прогресса, светского либерализма и антитрадиционализма. Печальный опыт межнациональной и межрелигиозной войны в Югославии 1990 – начала 2000-х гг. важен для нас и как сценарий, в той или иной степени

дублирующий драматический распад СССР или предвосхищающий будущее нынешней России. Однако балканская ситуация существенно отличается как от советской, так и от современной российской. Во-первых, межнациональная и межрелигиозная рознь на Балканах имеет многовековой характер с ярко выраженными взаимными «обидами» и претензиями, которые сохраняются не только в исторической памяти народов, но и на уровне повседневного общения и быта. Во-вторых, участниками такого типа конфликта в Югославии наряду с православными и мусульманами с начала 1940-х гг. стали и католики-хорваты, создавшие тогда движение хорватских фашистов-«ушташей», которое отличалось наибольшей жесткостью в геноциде сербов. В-третьих, напомним, что с исторической и этнической точек зрения мультиконфессиональность этой части Балкан – продукт постепенного насильственного разделения некогда единого сербского православного этноса на православных сербов, мусульман-бошняков и хорватов-католиков. Принятие «иной веры» в этом контексте воспринималось сербами не только как вынужденная необходимость, но и как предательство своей нации и веры.

В конце 1870-х гг., когда в русской литературе и публицистике впервые была обозначена «сербская тема», очертания «сербского мифа» были едва различимы: энтузиазму поддержки «православных братьев» в «Дневниках писателя» Достоевского можно противопоставить скептицизм очевидцев событий – Г.Успенского, В.Мещерского – или недоверие к «моде» на Сербию в «Анне Карениной» Л.Толстого. Русские публицисты и журналисты, побывавшие тогда в Сербии, в своих очерках подчеркивали патриархально-крестьянский уклад, мирный характер жизни сербов, не желающих и не умеющих воевать; бедность их религиозной жизни, малое количество церквей, необразованность священников.

Это было классическое «снисхождение» старшего брата по отношению к младшему. И воевать то сербы еще не умеют, и православие у них не чета нашему...

Многое они, по-видимому, просто не увидели, относясь к сербскому православию с обрядовой, формальной его стороны, не зная ни истории Сербии, не вникая в глубину ее религиозной культуры. Войны XX века высветили совершенно иные черты сербского мифа – культ архаических героев-воинов – «юнаков», национальное мученичество («Сербская Голгофа»), особая избранность сербского народа («Небесная Сербия»), значимость жертвы и самопожертвования в сербской культуре (мотивный комплекс «Косового поля» как коллективного христианского архетипа).

Сербско-русские исторические и культурные связи, опыт общения Сербской и Русской Православных Церквей – одна из самых постоянных тем обсуждения на соответствующих форумах. Мы не будем касаться многочисленных мемуаров, статей, эссе, травелогов и других образцов pop-fiction российских добровольцев, воевавших в Югославии, публицистов, журналистов, православных паломников и вообще «борцов за Косово». Однако собственно новейшая русская литература оказывается удивительно скудной в своих попытках художественно освоить особый уклад жизни сербов. Следует признать, что основной массив информации и эмоциональных оценок этой темы уже содержится в публицистике, документалистике, сетевом общении.

В современной художественной прозе интересны два принципиально разных подхода. Первый лучше всего выражен в книге рассказов Э.Лимонова «СМРТ» (2008), построенной на переработке очеркового материала самого писателя и его личных впечатлениях о войне в Югославии начала 1990-х гг. Это ракурс рассказчика, приехавшего в Сербию из Парижа, оплота европейского либерализма, человека, лишённого религиозных «предрассудков», впервые столкнувшегося с «сербским мифом». Автобиографический реализм и даже натурализм Лимонова как рассказчика-очевидца превращают его в идеального медиума этого мифа, своего рода «*tabula rasa*» для читателей, мало что знающих о сербах. Лимонов рассказывает своим читателям не о мифе, а о тех ярких и необычных деталях быта и обыденного поведения, в которых он себя проявляет, своего рода феноменологии мифа. Его роль «писца» – это самоназвание «писателя» на сербском использует рассказчик на страницах книги – отсылает к внутренней форме нарратора журналистского типа, «записывающего» события. С

другой стороны, рассказчик Лимонова находится в плену европейских и русских романтических представлений о Балканах как о крае «вечной войны» и диких горцев. Это порой на уровне подтекста сближает его с собственно сербской религиозной картиной мира, в которой оппозиция «своего» и «чужого», комплекс архаических языческих представлений, идеальный образ героя выражены необычайно сильно.

Второй подход – это концепция писателя-балканиста, хорошо знающего исторический и языковой материал и работающего по преимуществу с ним. Для такого рассказчика сербская история – это прежде всего мистика, в которой нет места бытовому или журналистскому подходу. Живой контакт с современностью уступает свое место мифологическому нарративу, построенному в основном на событиях средневековья, но обработанному в традициях исторической беллетристики. Здесь принципиально важны такие поворотные сюжетобразующие мотивы, как мотив «чуда», «опознания своего», немотивированного и необъяснимого события, возвращения в прошлое или «выпадения» из настоящего; наконец, особые пространственные зоны, в которых эти чудесные события происходят; выстраивается система необычных персонажей, локализованных в них (живые мертвецы, вампиры, оборотни, вилы). В такой манере пишет под псевдонимом Вук Задунайский российский автор, сравнительно недавно вошедший в круг современных фантастов. Его (точнее, ее, поскольку известно, что реальный автор – женщина) сборник повестей и эссе «Балканский венец» (2012) можно назвать вполне привлекательным и в беллетристическом, и в «балканистском» аспектах.

Еще один тип беллетристического нарратива на сербскую тему, примыкающий ко второму, можно назвать фольклорно-мифологическим, он строится с опорой на былички, волшебную сказку, сказки о животных, современное фэнтези. Однако главным материалом такой, в сущности «подростковой», беллетристики стала современность – события войны уже не начала 1990-х гг., как в «СМРТ» Лимонова, а последней – 1999 г. Такой сказочно-фантазийный нарратив попыталась (степень успешности этой попытки – предмет споров критиков) построить Вероника Кунгурцева в книге «Дроздово поле, или Ваня Житный на войне» (2011). Несмотря на «подростковый» возраст героя, читательским адресом книги стали вполне взрослые любители патриотической фантастики, поскольку в ней содержится немало гневных инвектив в сторону западного либерализма и страшноватых картин войны. Собственно поэтому книгу выпустило самое из-

вестное отечественное издательство альтернативной литературы «Ад Маргинем».

Отправляясь на Балканы в поисках вилы, в компании с не менее мифологическими персонажами – домовиком, Шишаком и Лешаком, Ваня попадает на современную войну и «проваливается» во времени, участвуя в битве на Косовом (в переводе на русский – Дроздовом) поле. Кунгурцева сделала акцент как на фэнтезийные (путь героев, их приключения, участие в сражениях, подвиги, магические превращения), так и на архаичные мифологические, но, в основном, дохристианские мотивы. Из сербской топики в книге сохраняется «вечный бой» на Косовом поле – поворотный момент истории сербов и сербского православия, а также нетипичное для фэнтези довольно натуралистичное изображение смерти, ранений, страданий жителей Сербии. Сами герои, как и полагается, остаются неуязвимыми.

Точкой схождения Лимонова, Вука Задунайского и Кунгурцевой становятся четыре важнейших мотива сербского нарратива в русской литературе: смерть – война – кровь – страдания. У Вука на первый план выходит и главный мотив, объясняющий все остальные, – православная вера и смерть за нее, коллективное сораспятие сербского этноса Христу. Очевидная банальность обозначенного выше эпического мотивного комплекса оправдана здесь его особой ритуализованной значимостью: он входит в топику сербского национального мученичества, жертвенной крови, пролитой за Христа и свою веру, поражения в войне, которое в высшем, провиденциальном смысле важнее, чем победа в ней.

В этом смысле ключевым, скажем, в нарративе Лимонова оказывается рассказ-очерк «Кровь», где рассказчик сдает кровь для раненых и обнаруживает свою странную сопричастность Христу и Палестине по редкой группе «арамейской» крови. В «Черногорцах» тогда атеист, а ныне еретик Лимонов постепенно проникается пиететом верующих «разбойников», как автор называет черногорских писателей, и, наконец, отчасти разделяет их «катарсис» по отношению к неназванному в самом рассказе владыке Амфилохию. Он оказывается удостоен поклонения мощам Петра Негоша и восхищается исторически существовавшим на территории Черногории «государством православных горных разбойников» [2: 85] во главе с монахами из династии Негошей. Лимонов-рассказчик даже больше симпатизирует сербскому православию, чем русскому: «Сербские священники проще, человечнее и симпатичнее русских. Они владеют искусством выгрышного жеста. Их вера страдала дольше

русской, потому они не принимают ханжества» [2: 88].

Лимонов феноменологически точно изображает резко возросшую конфликтность и сложность национальных и религиозных отношений в самом начале очередной балканской войны. Граница «своего» и «чужого» воспринимается с предельной эмоциональностью. Так, неподдельны «ужас» и отвращение сербского офицера при виде обнаруженного иноверческого знака («*католицики крест*» [2: 44]) на теле убитого, сербские солдаты выбрасывают его тело к мусульманам. Рассказчика не раз принимают за «*католика*», «*хрвата*» из-за его манеры носить обручальное кольцо не на той руке. С другой стороны, сербы склонны воспринимать его национальную идентичность как религиозную («*Военные заверяют, что с французским паспортом этот журналист все же «рус», «православец», свой*» [2: 9]). Мусульман на войне называют «*турцами*», «*турчинами*» (рассказ «Атака»), переводя, по старой балканской привычке, религиозную идентификацию в инонациональную. Страдающие от войны сербы-крестьяне склонны проецировать сугубо локальную мифологическую идентификацию на весь остальной мир:

– *Ельцин – усташа! – убежденно сказал старый, засушенный как старое корявое дерево, крестьянин в кепке* [2: 92];

– *Ельцин – усташа! Почему вы не уберете Ельцина? – спросила сквозь рыдания старуха на костылях* [2: 92].

В то же время рассказчик фиксирует еще одну новую для себя балканскую реалию – это частичная потеря национальной идентичности в сфере быта при сохранении православной веры, сказавшаяся, например, в «отуречивании» черногорцев:

– *В сущности, турки победили нас тем, что отуречили нас, навязали нам не свою веру, но свои обычаи. Православство (он так сказал, «православство») мы отстояли, а вот их обычаи переняли. Они победили нас* [2: 85].

Рассказчик сталкивается с новой исторической версией радикализации православия в условиях войны – «четничеством», которое по сути похоже на феномен «воинов Аллаха»: «*Вокруг странные бородатые солдаты в черном: сапоги, кожаные куртки, черные папахи с кокардами. Хохочут, подталкивают друг друга*» [2: 10]; «*В черном все, с бородами, папахи черные на головах*» [2: 52]; «*Очень храбрые*», «*очень пьяные*» [2: 10].

В «Балканском венце» Вука Задунайского в аспекте заявленной нами темы привлекает внимание историческая повесть «Сказание о новых

воинах». Ее герой – янычар, жестокий и властный Урхан-ага, оказавшийся в ходе очередного балканского похода турок в своей родной деревне. После инициации в янычары он стал непобедимым воином, «живым мертвецом», волкодлаком, пьющим кровь своих врагов. Однако, попав в родную, но прочно забытую среду, услышав сербскую колыбельную песню, полюбив девушку-сербку, в разрушенной православной церкви он сбрасывает с себя наваждение дервишей и восстанавливает свою подлинную национальную и религиозную идентичность: «Все вокруг было таким же, как всегда. Но все изменилось. Он видел лучи солнца, пробивающиеся под купол через боковые оконца. Он чуял этот церковный запах – так пахли сирийские благовония. Он слышал какие-то голоса, но это был вовсе не голос Якуба. Священник читал молитву, тихо переговаривались женщины на родном ему языке, и это вовсе был не турецкий. А сам он стоял здесь же, на этом самом месте, в простой холщовой одежде, на ногах его были стоптанные опанки, а в руках – свеча. И он так же смотрел на купол, на глаза Спасителя, взирающего на него и по сей день с жалостью и добротой. Тогда ему было всего лет пять, но он почему-то запомнил ту Пасху. Странно, как он мог забыть все это?» [3: 451].

Оказывается, герой носит на себе знак креста и не похож на остальных беспощадных «новых воинов», из которых вытеснено все человеческое: «Когда его забирали, я не просто проткнула ему правую руку ножом – я вырезала на ней крест. <...> Когда я увидела его, мне открылось: он не такой, как они. В них только смерть. А в нем есть жизнь. Она еле теплится, но она есть» [3: 457]. Он мстит за убитых сербов и разоренную деревню, ярко завершая свою жизнь. Православие одерживает верх в конфликте идентичностей героя.

В целом же можно констатировать, что современная русская проза подходит к сербской теме в русле как христианских традиций «сострадания» русской литературы, так и национальной мифологии мученичества самих сербов.

* * * * *

1. Наумович Слободан. «Балканские мясники»: мифы и заблуждения о распаде Югославии // Новая српска политичка мисао (Новая сербская политическая мысль). – 1999. – VI. – №1 – 2. – С. 57 – 77.
2. Лимонов Э. СМРТ. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2008. – 252 с.
3. Задунайский Вук. Балканский венец. – М.: Эксмо, 2012. – 544 с.

SERBIAN ORTHODOX IDENTITY IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

V.V.Maroshi

The article analyzes some of the most typical artistic works of modern Russian literature on the Serbian topic. The peculiarities of the artistic image of the Serbian religious identity under the conditions of the military conflict and its mythopoetical basis are highlighted.

Key words: conflict, war, mythological narrative, modern Russian literature, national / confessional identity.

* * * * *

Мароши Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: maroshi@mail.ru

Поступила в редакцию 04.06.2013